

Историческое переводоведение как научная дисциплина

Г. Т. Хухуни¹, И. И. Валуйцева²

^{1,2}Государственный университет просвещения, г. Мытищи Московской области, Россия

¹khukhuni@mail.ru

²irinaiv-v@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты истории перевода и переводческой мысли, ее периодизации и преподавание перевода в высших учебных заведениях. Отмечается, что даже в лингвистически ориентированных исследованиях фактический материал в данной области опирается, в первую очередь, на письменные переводы художественной литературы. Анализируются понятия лингвистического переводоведения и обосновывается нецелесообразность отказа от категории эквивалентности.

Ключевые слова: переводоведение, история, дисциплина, адекватность, эквивалентность, объективность

Для цитирования: Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Историческое переводоведение как научная дисциплина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 35–41. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_35

Original article

History of Translatology: Scientific Subject

Georgy T. Khukhuni¹, Irina I. Valuytseva²

^{1,2}State University of Education, Mytishchi, Moscow Region, Russia

¹khukhuni@mail.ru

²irinaiv-v@yandex.ru

Abstract. The article discusses various aspects related to the study of the history of translation and translation studies, its periodization and teaching in higher educational institutions. It is noted that even in linguistically oriented studies, the factual material in this area is based primarily on written translations of fiction. Some concepts used in linguistic translation studies are analyzed, and the inexpediency of rejection of the equivalence category is justified.

Keywords: translatology, history, discipline, adequacy, equivalence, objectivity

For citation: Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2023). History of translatology: Scientific subject. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 35–41. 10.52070/2542-2197_2023_2_870_35

ВВЕДЕНИЕ

Синхронное состояние любой науки определяется теми процессами, которые происходили в диакронии. Тезис о том, что без знания прошлого нельзя ни понять настоящего, ни двигаться в будущее, проявляется в данной области человеческой деятельности весьма наглядным образом. На тесную связь истории и теории науки друг с другом обращали внимание многие ученые, работавшие в самых различных сферах – от медицины до философии. При этом особо акцентировалось внимание на значимости обращения к прошлому для решения задач, которые ставит современность. В. И. Вернадский писал: «Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории науки отражение научных течений своего времени. <...> Именно поэтому история науки не может являться безразличной для всякого исследователя. <...> Только этим путем возможна правильная и полная оценка того, что добывается современной наукой, что выставляется ею как важное, истинное или нужное» [Вернадский, 1981, с. 218]. Это верно и по отношению к тем концепциям, которые намеренно противопоставляют себя, порой нарочито резко, предшествующим положениям и принципам, поскольку для того, чтобы осуществить «отталкивание», необходимо иметь для него опору, от которой оно и будет происходить.

Не для всех ученых «погружение в историю» представлялось необходимым в равной степени. Н. С. Трубецкой в одном из своих писем даже утверждал: «...Я, признаться, не люблю 'историю науки'» [Трубецкой, 2004, с. 229]. Однако в его наиболее известном труде – «Основах фонологии» – отведено место не только Ф. де Соссюру и И. А. Бодуэну де Куртенэ, но и И. Винтеллеру, Г. Суиту, О. Есперсену и другим ученым.

ВОПРОС О САМОСТОЯТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Вопрос о том, является ли переводоведение / теория перевода (пока мы не останавливаемся на вопросе о дифференциации названных понятий) самостоятельной дисциплиной, имеющей собственный объект и предмет исследования, а следовательно, и собственную историю науки, в настоящее время каких-либо серьезных разногласий не вызывает. Среди видных отечественных ученых более или менее однозначно против такого статуса высказался в 50-х годах XX века только А. А. Реформатский. В статье 1952 года он писал: «...естественно возникает вопрос относительно науки о переводе. Есть ли такая наука и может ли

она быть? Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода. Действительно, то, что нужно для специального научного перевода, не затрагивает того, что вызывает затруднения в стихотворном переводе; вопросы, связанные с филологическими переводами классиков, совершенно не нужны в разговорниках-минимумах и т. д. Общего знаменателя у этих разнodelимых величин нет» [Реформатский, 1952, с. 12]. Процитированная декларация вызвала весьма резкие возражения со стороны отечественных специалистов, работавших в данной области, а своеобразным ответом на нее стало первое издание учебника А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» [Федоров, 1953], впоследствии переиздававшегося в переработанном виде под видоизмененным заглавием (последнее прижизненное издание вышло в 1983 г. [Федоров, 1983]). «Эта работа была одним из немногих исследований отечественных переводоведов, получивших отклик на Западе. Знаменательно, что в монографии Дж. Стайнера, опубликованной в середине 70-х годов XX века [Steiner, 1975] и недавно изданной в русском переводе, ее появление названо «одним из характерных событий» [Стайнер, 2020, с. 310] в разработке проблем перевода в послевоенные годы.

Возвращаясь к словам А. А. Реформатского, заметим, что его позиция выглядит уязвимо: из того факта, что фонетика и фразеология тоже весьма сильно различаются и пользуются различными методами исследования, вряд ли следует, что их нельзя рассматривать как разные отрасли одной науки. Однако некоторая объективная основа у рассуждений ученого – при всей их спорности – все же имела. Когда вышла в свет данная статья, разворачивался спор о «ведомственной принадлежности» теории перевода к языкознанию или литературоведению, длившийся несколько десятилетий. В означенной дискуссии на той или другой стороне приняло участие большинство ведущих отечественных специалистов, работавших в сфере перевода или соприкасавшихся с ней: А. В. Федоров, И. А. Кашкин, Б. А. Ларин, Л. С. Бархударов, П. М. Топер и другие. Речь шла об области, занимающейся художественными произведениями, поскольку относить к литературоведению передачу технических или естественно-научных текстов не приходилось. Скептицизм по отношению к дисциплине, представители которой не могли договориться между собой, к какой сфере ее следует отнести, можно отчасти объяснить и этим «внутренним конфликтом».

В качестве отдельной специальности теория перевода не фигурирует ни в ныне действующей, ни в предыдущей номенклатуре научных специальностей; однако в паспорте специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» есть раздел «Лингвистическое переводоведение».

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В указанном выше разделе нашлось место и вопросу «История перевода и переводческой мысли». Однако А. В. Федоров, признаваемый основоположником лингвистической теории перевода, уточнял, что «интересы теории перевода самым тесным образом переплетаются с интересами литературоведения» [Федоров, 1983, с. 19].

Данный аспект подводит нас к вопросу, крайне важному как с собственно теоретической, так и с учебно-методической точки зрения. Речь идет о периодизации развития перевода и переводческой мысли.

С момента выход книги Т. Куна [Kuhn, 1962, Кун, 2009], предложенное в ней понятие «научной парадигмы» стало широко внедряться в различные области научного знания, включая и такие, которые сам автор не затрагивал (так обстоит дело, например, с лингвистикой). К их числу относится и переводоведение. Скажем, монография Э. Пима, в оригинале носящая название «Exploring Translation Theories» [Pym, 2010], вышла в русском переводе под заглавием «Теоретические парадигмы в переводоведении» [Пим, 2018], т. е. «парадигматический» подход по сравнению с исходным текстом был подчеркнута выделен.

Отметим, что применение понятия парадигмы к интересующей нас области не всегда имеет однозначное решение, особенно, когда речь идет о теории и практике художественного перевода: к какой, например, парадигме отнести представителей лингвистического и литературоведческого течений в отечественном переводоведении? Или придется допустить, что в одну и ту же эпоху сосуществует и накладываются друг на друга несколько парадигм? Такое допущение вполне возможно и в сфере гуманитарного знания в целом (о чем, например, см.: [Серио, 1993]), однако четкость и логичность периодизации от этого вряд ли выиграют, что не представляется желательным, особенно в учебно-методическом плане.

Среди появившихся в последнее время трудов, в которых рассматривается проблема периодизации теории и практики перевода, особого упоминания – в первую очередь, с точки зрения

скрупулезности и широты рассмотрения проблемы – заслуживает монография Н. К. Гарбовского и О. И. Костиковой, где дан весьма глубокий критический анализ ряда концепций. Затрагивается в ней и та периодизация развития перевода и переводческой мысли, которая была предложена в 90-х годах одним из авторов настоящей статьи совместно с Д. З. Гоциридзе [Гоциридзе, Хухуни, 1994] и которая носит, в основном, историко-литературный характер. Можно признать справедливость данной ей оценки: «Подобный подход вполне правомерен с одной лишь оговоркой: если рассматривать историю только письменного перевода» [Гарбовский, Костикова, 2021, с. 39], – тогда как, по замечанию упомянутых выше авторов, переводческая мысль не ограничивалась исключительно сферой литературного перевода. Соглашаемся и с тем, что она ориентируется, в первую очередь, на европейскую традицию, тогда как в других регионах периодизация может быть иной. Однако позволим себе обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, более-менее объективно о развитии теоретических суждений о переводе и его практики вплоть до XX века приходится судить, главным образом, именно по письменным памятникам, так как прямых свидетельств устного перевода до этого времени дойти не могло. Так что здесь можно вспомнить известное изречение: *Verba volunt, scripta manent*.

Во-вторых, составить такую периодизацию, которая охватывала бы «всеобщую историю переводческой деятельности» и при этом носила бы конкретный характер, авторам представлялось несколько затруднительным, поэтому они и ограничились регионами, входившими в область их научных интересов.

В-третьих, подавляющее большинство теоретических рассуждений о переводе – опять-таки до XX века – строилось именно на материале передачи художественных (в широком смысле слова) и религиозных текстов (в первую очередь, библейских), поскольку речь идет о христианском ареале, естественно, не тождественном европейскому, но практически полностью его покрывающем. На это обстоятельство обратил внимание, при всей «лингвистичности» своей концепции, и А. В. Федоров: «История перевода (по крайней мере, в Новое время, т. е. начиная с XVI–XVII веков) изучалась преимущественно, если и не исключительно, как история перевода художественной литературы. И это следует признать закономерным, если принять во внимание его огромную роль в истории литературы и культуры и особую сложность этого вида перевода, трудность его задач и наиболее принципиальный характер вопросов, вызываемых

им. Вот почему и в этой главе переводу художественной литературы уделяется основное место» [Федоров, 1983, с. 24].

Добавим еще одно соображение. А. В. Федоров и Г. Р. Гачечиладзе олицетворяли два противостоявших друг другу течения – лингвистическое и литературоведческое, теоретическая часть созданного вторым автором учебника [Гачечиладзе, 1970] существенно отличалась от книги его коллеги; однако исторический обзор в ней построен по тем же принципам, что и у А. В. Федорова, на первые издания труда которого грузинский исследователь имел возможность опираться. В учебник Г. Р. Гачечиладзе добавлен только очерк, касающийся грузинского перевода, но он также принадлежит к православно-христианской ойкумене. Таким образом, упомянутая выше периодизация, предложенная в работе Г. Т. Хухуни и Д. З. Гоциридзе [Гоциридзе, Хухуни, 1994], находит в той или иной форме отражение и во многих последующих научно-педагогических трудах, ориентированных на западноевропейский и российский материал, среди которых упомянем учебные пособия И. С. Алексеевой «Введение в переводоведение» [Алексеева, 2004] и З. Г. Прошиной «Теория перевода» [Прошина, 2019]. Дж. Стайнер в своей работе [Steiner, 1975] при классификации истории перевода вместил в один период восемнадцать столетий от Цицерона до Гельдерлина, что вызвало упреки в игнорировании существовавших между теми или иными включенными в него эпохами различий. В связи с этим, как указывают Н. К. Гарбовский и О. И. Костикова, ее было предложено дополнить выделением таких этапов, как Античность, Средневековье, Возрождение, Классицизм, Просвещение [Гарбовский, Костикова, 2021, с. 42], опять-таки базирующихся, по существу, на историко-культурном и историко-литературном подходе.

Возвращаясь к трудам И. С. Алексеевой и З. Г. Прошиной, отметим, что, поскольку в их заглавиях стоят два разных обозначения нашей дисциплины – «переводоведение» и «теория перевода», представляется целесообразным вернуться к терминологическому разграничению между ними. Во многих случаях, когда говорят о «теории перевода» в широком смысле слова, эти два названия употребляются практически синонимично. Поскольку принято считать, что в терминосистемах наличие синонимов не рассматривается как желательное явление, ряд исследователей соотносит их как родовое и видовое понятия. Это означает, что в «переводоведение» включаются, помимо общетеоретических аспектов, частные теории перевода, а также его история, методика и критика. Таким употреблением объясняется и вынесенное

в заглавие данной статьи словосочетание «историческое переводоведение», подразумевающее возможность изучения в историческом плане каждого из указанных аспектов переводческой деятельности, хотя основное внимание уделяется, как правило, развитию переводческой мысли в те или иные эпохи, особенно, когда имеется в виду учебно-педагогическая работа.

О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Поскольку любая научная дисциплина оперирует определенным категориально-понятийным аппаратом, при исследовании исторических аспектов перевода целесообразно уделить время рассмотрению того, как проходило его становление и развитие. В первую очередь, речь идет о терминах, отражающих отношение перевода к оригиналу, причем основной упор целесообразно сделать на разработку терминосистемы науки о переводе в XX–XXI веках.

Во многих концепциях, распространенных в наши дни, проблема соотношения оригинала и перевода рассматривается как несуществующая или, по крайней мере, второстепенная – под лозунгом целесообразности «свержения исходного текста» [Прунч, 2015, с. 164]; вследствие этого ее освещение в историческом ракурсе приобретает особое значение. К названной проблеме в той или иной форме обращались и раньше: можно вспомнить споры о воссоздании «духа» и «буквы» подлинника, противопоставление «вольной» и «точной» передачи, разграничение различных способов перевода (не совпадающих друг с другом) у Новалиса и Гёте, рассуждения Гумбольдта и Шлейермахера, мысли Белинского о «художественном» и «поэтическом» переводе и многие другие высказывания на данную тему, которая остается неисчерпаемой. Однако именно начиная с XX века можно констатировать становление собственно терминосистемы переводоведения с такими ее элементами, как адекватность и эквивалентность с различными детерминантами последней (динамическая, функциональная, формальная, уровневая), полноценность, скопос и др. Соотношения между этими понятиями далеко не во всем оказывались проясненными, иногда наблюдалась прямая конкуренция между различными переводческими «инструментами». Но в целом отрицать значение поисков в данной области не приходится, одна из задач исторического переводоведения как раз в том и состоит, чтобы всесторонне рассмотреть происходившие в интересующей нас области процессы и по возможности объективно оценить их результаты.

Такая работа сопряжена со значительными сложностями как объективного, так и субъективного порядка.

Особенно заметна субъективность в тех случаях, когда речь идет о явлениях, с одной стороны, относящихся к сравнительно недавнему прошлому, а с другой – требующих пересмотра по мнению того или иного автора. Означенная тенденция наблюдается, в частности, в работах представителей скопос-теории и их продолжателей при рассмотрении таких ключевых для лингвистических концепций перевода понятий, как эквивалентность и адекватность и трактовке соотношения между ними.

Создатели скопос-теории К. Райс и Х. Фермеер не считали необходимым категорический отказ от какой-либо из них. Речь шла – в соответствии с основополагающими принципами этой теории – об установлении того, что можно назвать «относительной иерархией» данного соотношения, в соответствии с которой «...критерий эквивалентности смещается на второстепенную позицию не только со своей главенствующей позиции в иерархии факторов, обуславливающих принятие решения, но и как критерий оценки перевода. <...> эквивалентность превращается в специфическую разновидность адекватности» [Прунч, 2015, с. 68–169]. Заметим, что слова о «критерии оценки перевода» нуждаются в некотором уточнении. Например, В. Н. Комиссаров считал, что «оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина ‘адекватность’» [Комиссаров, 2000, с. 118], что и обусловило неприятие им тезиса Ю. Найды о необходимости создания в переводе «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу [Комиссаров, 2000, с. 118]. У одной из наиболее видных продолжательниц идей К. Райс и Х. Фермеера К. Норд, которая перевела их основополагающий труд [Reiß, Vermeer, 1984] на английский язык, находим следующее решение рассматриваемого вопроса: “Equivalence may be one possible aim when translating but it is not considered to be a translation principle valid for once and for all <...> If the translation brief requires some other relationship between source and target text the generic concept will be adequacy” [Nord, 2013, с. 204].

Таким образом, категория эквивалентности принципиально не только не отрицается, но и в определенных случаях может рассматриваться как одна из возможных целей перевода. Однако в трудах В. В. Сдобникова, видного представителя соотносящегося со скопос-теорией «коммуникативно-функционального подхода», находим гораздо более решительную формулировку: «Следует признать, что само использование понятия

эквивалентности является бессмысленным; оно перестало быть инструментальным в попытках объяснить сущность переводческого процесса» [Сдобников, 2022, с. 72–73]. Заодно отвергаются и прочие члены лингвистической терминосистемы перевода: «Переосмысление перевода влечет за собой переосмысление практически всех ... переводоведческих категорий» [Сдобников, 2022, с. 73].

Поскольку авторы данной статьи не ставят перед собой полемических целей, ограничимся только несколькими замечаниями, существенными для темы нашей работы. Во-первых, как показывает история любой науки, принцип «разрушим до основания, а затем...» – очень часто приводил к не слишком хорошим результатам (достаточно в этой связи вспомнить хотя бы «новое учение о языке» с его «отвержением» компаративистики). Во-вторых, любой процесс в конечном итоге важен не столько сам по себе, сколько по полученному в ходе его осуществления результату, то есть опять-таки тексту на переводном языке. А при его анализе понятие эквивалентности вряд ли следует полностью отвергать, поскольку стремление элиминировать лингвистический параметр из теории, которая всё же, по ныне действующей номенклатуре, относится к области языкознания, выглядит не совсем логично. Наконец, в-третьих, при историческом подходе к изучению переводческой мысли (как и любой другой области знания) вряд ли целесообразно рассматривать ее с позиций какой-либо одной концепции или модели, даже если она представляется автору единственно правильной, поскольку в этом случае предшественников неизбежно будут оценивать с позиции того, насколько их взгляды близки / далеки от научного мировоззрения историка. Нельзя не согласиться со словами Н. К. Гарбовского и О. И. Костиковой: «В истории перевода, как и в истории вообще, вопрос объективности остается открытым...» [Гарбовский, Костикова, 2021, с. 32]. Однако это не снимает необходимости стремления к ней, так как в противном случае возникает опасность одностороннего толкования фактов и явлений прошлого, что уже не раз наблюдалось и в области науки о переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени вопрос о статусе переводоведения как отдельной дисциплины каких-либо серьезных сомнений не вызывает, хотя многие ее положения остаются дискуссионными. Среди них выделяется вопрос относительно периодизации развития перевода и переводческой мысли, по-разному освещаемый в существующих работах. Авторы настоящей статьи считают целесообразным

принять за основу традиционную историко-литературную периодизацию, признавая, вместе с тем, что она не может претендовать на универсальный статус, учитывая ее ограниченный характер. Одной из кардинально важных проблем, носящих для теории перевода фундаментальный характер, является

используемый в ней терминологический аппарат, в котором выделяются понятия эквивалентности и адекватности перевода. По нашему мнению, обе эти категории сохраняют свою значимость, в связи с чем отказ от понятия эквивалентности, присущий некоторым трудам, авторами не разделяется.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вернадский В. И. Избранные работы по истории науки. М.: Наука, 1981.
2. Письма и заметки Н. С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. 1952. № 6. С. 12–22.
4. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983.
6. Steiner G. After Babel. Aspects of Language and Translation. London– Oxford– New York: Oxford, 1975.
7. Стайнер Дж. После Вавилонского смещения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020.
8. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
9. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009.
10. Рум А. Exploring Translation Theories. London: Routledge., 2010.
11. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.
12. Серио П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка в границах и вне границ. Харьков: ОКО, 1993. [Т.] 1. С. 37–52.
13. Гоциридзе Д. З., Хухуни Г. Т. Возрождение и Реформация в истории перевода и переводческой мысли. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1994.
14. Гарбовский Н. К., Костикова О. И. История перевода: практика, технология, теория. Очерки по истории перевода. М.: Издательство Московского университета, 2021.
15. Гачечиладзе Г. Р. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси: Издательство Тбилисского государственного университета, 1970.
16. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004.
17. Прошина З. Г. Теория перевода (текст на англ. яз.). М.: Юрайт, 2019.
18. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.
19. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000.
20. Reiß K., Vermeer H. J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. (Linguistische Arbeiten 147). Tübingen: Niemeyer, 1984.
21. Nord Ch. Functionalism in Translation Studies // The Routledge Handbook of Translation studies. London: Routledge, 2013. P. 201–212.
22. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». М.: Военный университет Минобороны России, 2022. Вып. №7. Т. 1. С. 60–75.

REFERENCES

1. Vernadskii, V. I. (1981). Izbrannye raboty po istorii nauki = Selected Writings on History of Science. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Pis'ma i zametki N. S. Trubetskogo. (2004). = Trubetskoy's Letters and Notes. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
3. Reformatskii, A. A. (1952). Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation. Inostrannye yazyki v shkole, 6, 12–22. (In Russ.)
4. Fedorov, A. V. (1953). Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction in Translation Theory. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, (In Russ.)
5. Fedorov, A. V. (1983). Osnovy obshchei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Foundation of General translation Theory (Linguistic Problems). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
6. Steiner, G. (1975). After Babel. Aspects of language and translation. London– Oxford–New York: Oxford.
7. Stainer, Dzh. (2020). Posle Vavilonskogo smesheniya. Voprosy yazyka i perevoda = After Babel. Aspects of Language and Translation. Moscow: MTsNMO. (In Russ.)

8. Kuhn, T. (1962). The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press.
9. Kun, T. (2009). Struktura nauchnykh revolyutsii= The structure of scientific revolutions. Moscow: AST. (In Russ.)
10. Пым, А. (2010). Exploring translation theories. London: Routledge.
11. Pim, E. (2018). Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii = Exploring Translation Theories. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
12. Serio, P. (1993). V poiskakh chetvertoi paradigm = Searching for the Fourth Paradigm. Filosofiya yazyka v granitsakh i vne granits (vol. 1, pp. 37–52). Khar'kov: OKO. (In Russ.)
13. Gotsiridze, D. Z., Khukhuni, G. T. (1994). Vozrozhdenie i Reformatsiya v istorii perevoda i perevodcheskoi mysli = Renaissance and Reformation in the History of Translation and Translation Thought. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta. (In Russ.)
14. Garbovskii, N. K., Kostikova, O. I. (2021). Istoriya perevoda: praktika, tekhnologiya, teoriya. Ocherki po istorii perevoda = History of Translation: Practice, Technology, Theory, Essays on Translation History. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
15. Gachechiladze, G. R. (1970). Vvedenie v teoriyu khudozhestvennogo perevoda = Introduction in History of the Literary Translation. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
16. Alekseeva, I. S. (2004). Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translatology. St. Petersburg: Akademiya. (In Russ.)
17. Proshina, Z. G. (2019). Teoriya perevoda = Theory of translation. Moscow: Yurait. (Text in English)
18. Prunch, E. (2015). Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = The ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one. Moscow: RValent. (In Russ.)
19. Komissarov, V. N. (2000). Sovremennoe perevodovedenie = Modern Translation. Course of Lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
20. Reiß, K., Vermeer, H. J. (1984). Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. (Linguistische Arbeiten 147). Tübingen: Niemeyer.
22. Sdobnikov, V. V. (2022). Pereosmyslenie perevodovedcheskikh kategorii – pereosmyslenie perevoda = Reassessment of the categories of Translation Theory – the Reassessment of Translation. Voenno-gumanitarnyi al'manakh. Seriya «Lingvistika», 7(1), 60–75. Moscow: Voennyi universitet Minoborony Rossii. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

Валуйцева Ирина Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khukhuni Gorgy Teymurazovich

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Professor of the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics,
State University of Education

Valuytseva Irina Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor,
Professor at the Department of the Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics,
State University of Education

Статья поступила в редакцию	23.12.2022	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.01.2023	approved after reviewing
принята к публикации	30.01.2023	accepted for publication